

ВРЕМЯ, ВСМАТРИВАЮЩЕЕСЯ В СЕБЯ **(ОБРАЗЫ ДЕМИДОВЫХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ)**

Богатое событиями прошлое рода Демидовых привлекает внимание не только историков - неоднократно к нему обращались и литераторы.

Однако, если для историографа одним из опорных методологических принципов является анализ достоверности фактов, используемых при реконструкции причинно-следственных связей событий, то обращение с ними литератора может быть и иным. Даже при сознательной установке писателя на строгое следование исторической правде и факты, и уж тем более интерпретация их в той или иной степени от этой правды нередко отклоняются. На писателя давит идеология (в широком смысле), давят ментальные стереотипы, и уж если ученый не вполне защищен от их влияния на результаты умозаключений, то что говорить о литературе, которую день нынешний заботит, как правило, несравненно больше, чем день минувший. Но, если рукой писателя, как бы индивидуальна и "своенравна" она ни была, водит время (или, во всяком случае, подталкивает ее), то исторический роман становится текстом, несущим информацию не только о времени, в котором развивается его сюжет, но и о современности. При всем желании автора погрузиться в прошлое, его детище отражает менталитет прежде всего той эпохи, к которой принадлежит творец. А обусловленная жанром переключка времен (нередко подчеркнутая) в конечном счете лишь более резко высвечивает специфические черты современности. Допустимо предположить, что для выявления и изучения этих черт анализ изменений трактовки исторической прозой того или иного сюжета, особенно прослеженный на протяжении достаточно длительного временного интервала, может оказаться далеко небезинтересным.

Изложенный подход автор попытался применить при анализе образов Демидовых, созданных отечественной исторической прозой за последние полвека. Не претендуя охватить все случаи писательского обращения к данной теме, мы рассмотрели лишь несколько наиболее ярких примеров, достаточно убедительно, на наш взгляд, иллюстрирующих изложенные выше идеи.

Наиболее детальную разработку демидовская тема получила в трилогии Евгения Федорова "Каменный пояс" (1940-1953 гг.). Период, в течение которого она создавалась, - время тотального господства в официальной идеологии принципа социалистического реализма, сформулированного на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934 г.). Следование ему в историческом жанре интерпретировалось как необходимость приоритетного обращения на сюжетном уровне к страницам истории борьбы (желательно революционной) народных масс за освобождение от гнета. Не удивительно, что в романе Федорова, типичном образчике порожденной такой установкой беллетристики, следующем "генеральной линии" развития советской литературы достаточно ортодоксально и последовательно, ядром характеристики Демидовых оказалось эксплуататорское начало в них (автор рисует неограниченность их власти на заводах и т.д.).

Но в 1938 году, незадолго до издания первой части трилогии, вышло постановление ЦК ВКП(б), подвергшее резкой критике взгляды известного историка М.Н.Покровского, охарактеризованные в нем как вульгарно-социологические. Одновременно появился ряд публикаций, обращавших внимание на необходимость воспитания советского народа на патриотических традициях отечественной истории и предлагавших отказаться от традиции односторонне негативного изображения исторических деятелей, в свое время немало сделавших для укрепления державы. Подобный подход как будто вполне подходил и к трактовке деятельности Демидовых. Федоров, во всяком случае, создавая в романе их образы, фактически эти "пожелания" учел, что позволило ему более объективно и полно охарактеризовать роль и место своих героев в истории Отечества.

Не подлежит сомнению, что накопление предпринимателями Демидовыми капитала было процессом сложным и однозначно положительно или негативно (в этическом плане) оценено быть не может. Но, во всяком случае, очевидно, что капитал этот был создан ими не путем спекуляций в ходе посреднической торговли, а в результате создания и развития колоссального по масштабу промышленного производства. И Федоров, не забывая при случае отметить "эксплуататорскую сущность" Демидовых, подчеркивает, что род этот стоял у истоков отечественной промышленной металлургии, что в первую очередь именно на таких, как Демидовы, в своей деятельности опирался

царь-реформатор.

Выразительный портрет одного из Демидовых находим и на страницах классики советского исторического жанра - в "Петре Первом" Алексея Толстого (1934-1944 гг.). Основатель династии Никита Демидов появляется лишь в 3 части его, писавшейся в годы войны уже после выхода из печати первых частей романа Федорова. У нас нет, разумеется, оснований говорить о влиянии последнего на Толстого, но романы создавались приблизительно в одно время, в одной духовной атмосфере, что при всем различии индивидуальной одаренности авторов не могло не придать их сочинениям некоторые общие черты и сказалось на характере трактовки ими образа Демидова. Но Толстому удалось создать портрет Никиты - портрет достаточно выпуклый и убедительный - всего в одном коротком эпизоде. Мы видим Никиту как бы глазами царя Петра, который за время недолгой встречи успел оценить расчетливость, хитрость, деловитость тульского кузнеца, и, поверив в его предпринимательский талант и энергию, вступил с ним в деловые отношения.

Хотя за двадцатилетие, прошедшее после написания романа Толстого, обстановка в стране заметно изменилась, ситуация в литературе во многом осталась прежней, что подтверждают известные выступления Н.С.Хрущева по вопросам культуры, в которых совершенно в традициях ждановских времен подчеркивалось, что "литературе и искусству принадлежит исключительно важная роль в идеологической работе нашей партии, в деле коммунистического воспитания трудящихся" (1). Короткая оттепель не оказала сколько-нибудь заметного влияния на советский исторический роман в целом; во всяком случае трактовка в нем личностей, подобных Демидовым, принципиально не изменилась. В дилогии П.Северного "Сказание о старом Урале" (1969 г.), во второй ее части "Куранты Невьянской башни" налицо полный набор стереотипных характеристик Демидовых, сложившийся благодаря трудам Федорова и, в меньшей степени, Толстого. Впрочем, появляется здесь и нечто новое, отчасти связанное с попыткой автора оттолкнуться от фольклорных представлений о Демидовых (роман, по его утверждению, написан по невянским, шарташским и тагильским преданиям). В индивидуальной манере писателя чувствуется тяготение к романтической традиции, нашедшее отражение, в частности, в разработке образов Демидовых. Северный придает фигуре Акинфия большую, чем его предшественники, сложность, даже известную противоречивость. Его герой страдает от сознания, что дело, которому он и отец посвятили жизнь, некому передать. В конфликте с Татищевым, особенно на заключительном его этапе, Акинфий представлен личностью, ищущей выход из непростой для обоих ситуации, далеко не безразличной к интересам отечества, уважающей противника и способной до определенной степени идти на компромисс с ним, переживающей совершенные ошибки. Столь же неоднозначен Акинфий и в лирической линии сюжета, по мере развития которой образ его приобретает даже своеобразное трагическое обаяние. Все это, независимо от оценки художественного качества текста, для истории освоения демидовской темы отечественной прозой было явлением новым.

Но время радикального пересмотра оценок еще не пришло, и в вышедшем десятилетие спустя после книги Северного романе В.Пальмана "По следам дикого зубра" (1979 г.) автор его при появлении на страницах одного из Демидовых по привычке тотчас "запускает" механизм классового подхода. Автоматизм мышления в данном случае, по-видимому, отражает общую стагнацию официальной идеологии в стране, ситуацию, когда творчество ограничено рамками уже окаменевших и потому нередко не осознаваемых догм.

Впрочем, роман Пальмана посвящен отнюдь не Демидовым (он, скорее, "о природе"), но в рассматриваемом контексте и он по-своему любопытен. Читатель встречается в нем не с теми представителями рода, к которым уже привык и от которых несколько устал. Перед нами комический портрет одного из их потомков - князя Сан-Донато (в романе почему-то названного графом), созданный пером, не слишком озабоченным соответствием художественного образа его прототипу. В сценах, описывающих участие "графа" в охоте где-то на Западном Кавказе (сведений о которой нам найти не удалось), охотничий опыт его оценен более чем не высоко ("волка от лисицы не отличит"). Словесный "конный портрет" его, созданный Пальманом ("грузной тушей ... сидел", "спал в седле" и проч.), интересно сравнить с прижизненным живописным изображением Анатолия Демидова из галереи Питти, исполненным кистью Карла Брюллова (2). Элегантный всадник на вздыбленном скакуне - этот несколько приукрашенный (как того требовал жанр парадного портрета), в меру романтизированный облик брюлловской модели представляется нам значительно более объективно отражающим "имидж" одного из наиболее ярких представителей поздних Демидовых, нежели "воссозданный" столетие спустя.

Вместе с тем, в плане идей, обозначенных выше, аналитический интерес представляют оба портрета. И Брюллов, и Пальман пропустили модель сквозь представления и установки своего времени - будучи спроецированной в "разную" современность, она породила столь непохожие проекции-"тени", не меньше говорящие нам о времени их создания, чем о самом персонаже.

При всех индивидуальных отличиях трактовка демидовского материала рассмотренными выше авторами характеризуется определенным единообразием, общностью, основные черты которой сложились уже у Федорова, открывателя темы в советской литературе. Резкое изменение духовной атмосферы в последнее время не могло не повлиять на характер интерпретации таких неоднозначных фигур, как Демидовы. В последнем из учтенных нами обращении к ним в художественной литературе - цикле новелл Александра Родионова под общим названием "Государева воля" (1904 г.) • деятельность родоначальника демидовской фамилии и его старшего сына оценивается с характерного для текущего момента представления о предпринимательстве как о позитивной силе, способной вывести страну из переживаемого ею кризиса. Время переместило акцент с Демидовых-эксплуататоров на Демидовых-предпринимателей: наш современник выделяет в первую очередь их сметливость, деловитость, хозяйский подход к делу, контактность, умение аналитически оценивать обстановку, делать выводы. У Родионова демидовская тема звучит мажорно, жизнеутверждающе. Вывод, который предлагается сделать читателю: для нашего времени такие, как Демидовы, важны не меньше, чем во времена Петра (3).

ПРИМЕЧАНИЯ: (1) Хрущев Н.С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. - М., 1957. (2) См. о нем: Бочаров Н.И., Глушакова Ю.П. Карл Брюллов: Итальянские находки. - М., 1984. - С.121-125. Здесь же на цветной вкладке воспроизведение портрета. (3) В известном историческом анекдоте царь в беседе с графом Апраксиным говорил, что если бы у него было два десятка таких, как Демидов, он бы "счастливым почел себя".